

03.03.06.

Коняшин Александр Николаевич

Откровения

Меценат
8

Меценат (прил. к 143. Весть). - Калуга - 2006. - 3 марта (№2).

Так повелось, что вспоминаем мы об ушедших обычно по какому-то поводу. Но вот объясните мне, почему просто так, без повода, внезапно толкнется в сердце, как живая, весточка из небытия от старого доброго друга? Ты слышишь его тихий подстуженный голос, и память тут же включает, будто магнитофонную запись, разговор, который много для тебя значил. Воспоминания возвращают прожитое, черно-белые альбомные фотографии оживают. С неизменной благодарностью ты смотришь на подарок, сработанный его руками.

Дар этот, навсегда занявший уголок моей комнаты и озаривший целый пласт моей жизни, заслуживает особого рассказа. Признаться, он-то и заставил меня сесть за письменный стол.

Александра Николаевича Коняшина, художника, фронтовика, родом из бабынинского села Стрельни, кажется, знал всегда. В незапамятные времена калужского «церабкопа» (так наши художники обозвали свой послевоенный «рабочий кооператив», далее нарекли его товариществом, поименовали фондом) этот неприметный, молчаливый и болезненно тощий парень, мне почти ровесник, удивлял тем, что не брал в то тяжкое время оформительских заказов. Многие просто вынуждены были брать за «сухую кисть», за лозунговые белила на зубном порошке для украшения праздничных колонн, фасадов зданий и прочего. Коняшин не вылезал из своей убогой комнатухи (о мастерской можно было только мечтать), не отходил от самодельного мольберта.

Как он жил, чем питался? Я попробовал расспросить, Сашка отшутился: «У меня язва желудка, много есть нельзя». Когда на выставках начали появляться великолепные коняшинские натюрморты, управление культуры стало заключать с ним договора на их приобретение и положение его несколько улучшилось, во всяком случае он дотягивал до следующей весьма скромной выплаты. По доброте своей он не отказывал тогда никому из собратьев, хотя и знал, что не всегда дает на хлеб насущный.

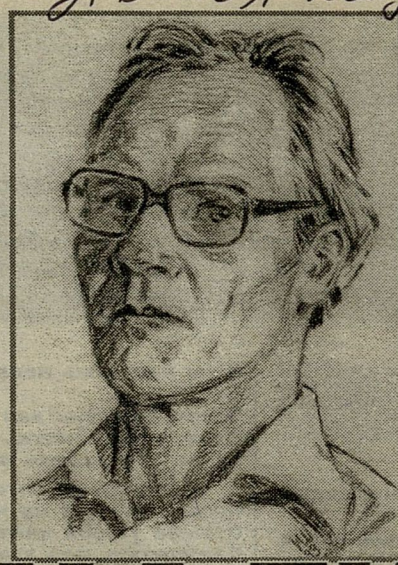
Он вообще не умел отказывать. Когда наконец художников одарили мастерскими, товарищ попросил его поменяться: его что-то не устраивало. Саша отдал ему свою уже обустроенную, в двух уровнях, а сам принялся заново столарить.

Доброта Сашки была особенной, не только отзывчивой, но и «бесспросной», если можно так сказать: это когда не ждут просьбы, а делают доброе дело, и оказывается, что в самое нужное время. При этом кроме благодарности невольно возникает желание воспринять пример.

Судьба теснее сблизила нас, когда мы получили квартиры в одной девятиэтажке, больше того, в одном подъезде, только на разных этажах. Стали встречаться чаще, и так же часто он удивлял меня. Бывало, утречком звонит в дверь, открываю: опять он с батареей двухлитровых пластиковых бутылок в сетке. Протягивает две из четырех: «Свежая водичка, криничная...» «Да как же ты, тебе ж нельзя с твоей язвой таскать по полпуда?» «Вот я за здоровьем и хожу». Старался и я не оставаться в долгу: жена компот сварит, какой ему полезен, - несу с плюшкой в придачу. А он как-то пришел, сел на привычное место у окна, вижу: никак не устроится, что-то мешает. Встал и ушел, не сказав ни слова. Явился с инструментом, кле-ем, быстро починил расшатавшийся стул, заодно осмотрел другие.

Он был молчалив, но не потому, что нечего было сказать, он просто был человек дела. И об искусстве не многословил, а делал его сам. Как он писал? Изобразительный строй его картин предметно реалистичен: как учили в подмосковной студии, потом в калужской. Но откуда в них, уже с первого взгляда, некое очарование? Секрет притягательности коняшин-

МОЙ МОЛЧАЛИВЫЙ ДРУГ

ских натюрмортов в том, что там незримо присутствует человек.

Как-то в Манеже я увидел его «Пироги с калиной». Присев поодаль, стал наблюдать. Рядом разворачивались панорамы грандиозных строек, уходила вдаль магистраль века - приметы времени. Но посетители выставки «Советская Россия» останавливались и у скромного полотна Коняшина, рассматривали, переговаривались. Что их привлекало?

...Затяла женщина пироги. Чисто выскоблила столешницу, просеяла муку, приготовила тесто, раскатала на лепешки, в каждую положила горсточку ягод. Вот уже три пирога с зашепленными гребешками легли рядом. Только приступила к четвертому - позвали. Прикрутила хозяйка фитиль в лампе на полке и отошла. Так и запечатлел художник все, что оставила она на столе: тесто в деревянной миске, совок с мукой, кувшин с маслом, пучки калины в лукошке, окаймленную вышивкой холстинку, которая укроет потом горячие пироги.

Просто? Да, просто, правдиво и прекрасно, как сама жизнь. Высмотреть прекрасное в обыкновенном - душевный дар. Суметь передать увиденное людям, растрогать их воображение - искусство.

Так живо вспомнить эту работу помог двухтомный альбом «Образ Родины». Он включает около четырехсот цветных репродукций выдающихся мастеров живописи. Среди авторов - имена И.Грбая, А.Дейнеки, В.Серова, Г.Коржева, А.Пластова, Е.Моисеенко. Во втором томе - «Пироги с калиной» А.Коняшина.

Всякое дело результатом славится. Мне доводилось видеть, как Коняшин снимал покрывало с мольберта. Он выслушивал мое многословное мнение и, если говорил: «Надо вовремя остановиться», значит, считай, натюрморт получился.

Он оставил не так уж много картин, но каждая - произведение. Они побывали на выставках - до самого высокого ранга, поселились в музейных залах. Не знаю, остались ли этюды, есть ли подаренные кому-то из коллег. У меня их нет. Зато есть подарок, в котором, по моему разумению, соединилось все то, чем был хорош Саша как человек, и чем особенно он мне памятен и дорог.

Подарка этого могло и не быть, если бы не поистине чудотворный случай. Однажды в преддверии сна мимо моих закрытых глаз медленно проплыло мужское лицо: падающие на лоб волосы, строгий взор, горестная складка между напряженных бровей. Взгляд его мгновенно коснулся меня и ушел дальше, к другим, наверное. Что-то никогда не испытанное охватило меня, я горячо шептал: «Верую, Господи, ве-

рую!» Что это было? Ничего иконного, благостного, а сердце пронзило: Он! Я лежал, обдумывал: не сон ли? Заснуть уже не мог. Держать сомнения в себе не было сил. Утром поднялся к Саше, рассказал. Боялся, не поверит. Он поверил. Я видел: и он взволнован.

В этот ранний час мы стали еще понятней друг другу. Я рассказывал о своем детстве, о сельской церковушке на две пригородные смоленские деревни. Там мы, ребята, как воробышки, усаживались на подоконники, слушали и смотрели. Оттуда - «Отче наш», молитва, которую я, коммунист, приученный к атеизму, шептал на фронте в минуту, казалось, неминуемого прощания с жизнью. Так было осенью сорок первого близ Оптиной Пустыни, где принял боевое крещение, был ранен и где через годы был крещен в монастырском храме святого Иллариона. Там же крещены наши дети и внуки. Долгие годы, которые насильно сделаны были временем неверия, оставили свой след, но я потянулся к молитвенному общению с тем духовным началом, что каждый определяет по-своему. Для меня это - внутреннее Око: оно видит, советит, склоняет к исправлению.

Саша задумчиво слушал, потом предложил: «Нарисуй. Все, как видел».

Дома я сидел над листом ватмана, вспоминал, «как было». Работал все смелее, оживляя образ: устремил глаза в глаза, поправил волосы, выразительные стали губы. Вечером снова поднялся к другу. Он сказал: «А знаешь, из этого может получиться икона».

Идея запала в душу. Сделал несколько эскизов, показал священнику нашего Николо-Козинского прихода, отцу Михаилу. Надо было знать, можно ли писать икону в таком непривычном образе и маслом вместо яичных красок. Михаил Тимофеевич успокоил: сейчас допускается, лишь сохрани канонический фон с нимбом, крестом и буквицами.

Саша сделал мне доску, научил готовить левкас. Несколько месяцев я наращивал этот грунт слой за слоем, каждый тщательно шлифовал, снова замешивал на клею порошок мел, намазывал, выдерживал до полного просыхания, опять шлифовал. И все - с молитвой, как полагается иконописцу.

С радостным трепетом и некоторой робостью приступил к живописи. Кончил лишь тогда, когда почел нужным применить Сашкину присказку: «Надо вовремя остановиться». Он посмотрел и молвил: «Неси освятить». Я понял: получилось. На бабушкином, крестом вышитом полотенце понес свою работу в храм. Отец Михаил, освятив, вынес мне уже настоящую икону, сохранившую капельки святой воды.

Я пристроил в углу спальни фанерную полочку, поставил икону. Соседи, заходившие ко мне, признали ее, уверяли, что облик Спасителя близок своей человечностью. Так ли это, не мне судить. Утром, просыпаясь, и вечером, отходя ко сну, я обращаюсь к своей иконе и, кроме привычного «Отче наш», произношу сочиняемые мною молитвы, беседуя, советуясь, испрашивая вразумления.

Но речь сегодня не обо мне, а о Саше. В особенный день, которого не забыть, он пришел с большой сумкой. «Разреши», - сказал и снял с моей фанерной полочки икону. Потом вставил ее в принесенную раму цвета старой бронзы и поставил на место. Я не узнал ее. Широко и строго обрамленная

темными линиями, меж которых рельефно золотился виноградный орнамент, она словно обрела глубину, она, казалось, источала свечение, так ясно сиял ореол святого нимба.

Переждав мое изумление, Саша достал из сумки нечто совершенно диковинное. Это было в три яруса мал мала меньше ступенчатое сооружение того же цвета, что и рама. Я не сразу, но сообразил: это же киот! Резная божница была водружена на свое угловое место, икона - на свое.

Общий вид потрясал настолько, что я не скоро смог разглядеть обдуманную прелесть киота. Взор мой скользил сверху вниз, и я делал одно открытие за другим. Нижний край рамы изображал двух ангелов. Первый ярус был посвящен воскрешению Христа, вокруг, в овалах, угадывались апостолы. Ступенькой ниже - обряд крещения людей. На нижнем ярусе, совсем махоньком, - женская головка, покрытая платом.

Радостное удивление мое достигло предела, когда оказалось, что это еще не все. Саша открывал ярусные барельефы один за другим, и за этими великолепными дверцами обнаружались треугольные шкафчики, в которых виднелись свечи, молитвенный складень, а в нижний был положен коробок спичек.

Что вам сказать? Я обнял друга, тискал, лобызал, а он стоял смущенный и бледный. Бледнел он, когда волновался и когда схватывало сердце. Моя Галина Николаевна, фельдшер, не раз поднималась к нему по звонку Сашиной невестки о его нездоровье.

Через месяц после дня чудесного дарения моего Сашки не стало. Он успел сделать свое последнее доброе дело. И не только для меня. Икона в его божнице будет переходить к моим детям, внукам, к правнуку Даниилу, только что появившемуся на свет, помогать жить, верить, творить добро.

Вот почему захотелось рассказать о моем теперь уже навеки молчаливом друге Александре Николаевиче Коняшине. Порой среди многоголосой праздной суеты мне так не хватает его озабоченного молчания. Как всегда бывает после утраты, мы жалеем, что чего-то недодали, недосказали, недопоняли. Того уж не вернуть. Но остается память. Она работает, оживляя ушедших, наставляя нас от их имени, побуждая к поступку. Память жива, пока мы живы.

Игорь ШЕДВИГОВСКИЙ.
Рисунок автора.

№ 2 (87)
3 марта
2006 г.

Меценат
Газета зарегистрирована в Центральном
региональном управлении Госкомпочта (г.Тверь).
Регистрационный № Т-1244

Учредитель - редакция газеты «ВЕСТЬ»
248600, г.Калуга,
ул.Марата, 10.
Тел. 57-72-81.

Редактор выпуска
Валерий ВАСИЛЬЕВ.
Тел. 57-72-81.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция не вступает в переписку
с читателями.

Номер набран и сверстан
в редакции газеты «ВЕСТЬ».
Отпечатан ГП «Облиздат».
248540, г.Калуга, пл.Старый Торг, 5.
Заказ-512. Тираж 19200 экз.
Цена договорная.